

НОВЫЕ ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ – 2020

Лилия Долина
и Юлия Соловей

Александр Евсиков

Виктор Ефремов

Виктор Заярский

Геннадий Исиков

Альберт Кайков

Владимир Калинин

Владимир Кожухарёв

Николай Культяпов

Олег Лубенченко

Валентина Майдурова

Яков Мельник

Ольга Фер

Диилврин Окн

Павел Савилов

Александр Скуридин

Анатолий Уваров

Владимир Уланов

Анастасия Лямина

Новые имена в литературе – 2020

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754087

*Новые имена в литературе – 2020: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907395-17-6*

Аннотация

В этот сборник вошли работы, представленные на конкурс имени М. А. Шолохова, приуроченный к юбилею писателя. Однако книга не является тематическим изданием, хотя повествование о судьбах казачества занимает в ней немалое место.

Многие произведения, включенные в сборник, обращены в прошлое, нередко в буквальном смысле – они имеют мемуарный характер. Другие повествуют о настоящем – том самом, которое помогает познать вечное. Третьи... но, наверное, читателям, интереснее будет самим это узнать.

Как сказал сам Шолохов: «Любите книгу всей душой. Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник».

Нам бы хотелось, чтобы эта книга стала вашим другом.

Содержание

Предисловие	6
Номинанты литературного конкурса-премии им. М. А. Шолохова	9
Лилия Долина и Юлия Соловей	9
Жизнь – праздник	11
Танцующий фонтан	12
Блеск обручального колечка	13
Любимый супруг	13
Лебёдушка	14
Фиалочка	15
Не уходи, любовь	16
Ледяная стужа	17
Плыву против течения	18
Лети	19
Букет свежих роз	20
Как найти в жизни просвет	21
Океан жизни	22
Александр Евсиков	24
Сие же веждь (Об этом знай)	25
Часть IV	26
Часть V	32
Виктор Ефремов	38
Рассказы из детства	39

Как я научился плавать	40
Коллекционирование	52
Ох уж этот наган!	58
Трагедия с друзьями	67
В катакомбах	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Новые имена в литературе – 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Предисловие

Имя Михаила Шолохова известно и чтимо не только в России. Великий писатель за свое творчество получил высшую награду – Нобелевскую премию по литературе с формулировкой «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время». Его литературное наследие читают и изучают, а споры вокруг него не утихают со времен первого издания.

Этот год стал юбилейным не только для самого писателя, но и для его главного творения – эпопеи «Тихий Дон», начатой в 1925 году. В ознаменование яркого события и был учрежден новый литературный конкурс имени Шолохова, результат которого – перед вами. В эту книгу вошли стихи и проза участников конкурса, а также рецензии на их творчество.

Отметим, что, несмотря на имя Шолохова, прочно и незыблемо ассоциирующееся с казачеством и Доном, конкурс не предполагал какой-либо тематической направленности. Тем не менее немало страниц в сборнике оказалось посвящено истории казачества – как сравнительно далеким временам, так и тем же годам, свидетелем и летописцем которых стал Шолохов.

Многие из авторов, чьи произведения составили книгу, также могли бы с полным правом назвать себя свидетеля-

ми описанного. Они рассказывают о пережитом и в некотором роде парадоксально полемизируют с Шолоховым. Герой «Судьбы человека» говорил: «Прошлое – вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шел по ней, все было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса...»

Но может быть и по-другому, только нужно соблюсти два условия. Во-первых, отойти придется не на «двадцать километров», а гораздо дальше. Тогда не только туман рассеется, но и ясность усилится. Однако эту ясность нужно еще воспринять – и для этого требуются не только внимательность и наблюдательность, но и большая сила души, пламенная энергия творчества, позволяющая осветить самое главное, выделить ключевые детали, по которым становится понятна вся суть прошедшего.

Но и настоящее – которому предстоит в скором времени стать прошлым – по-особому отображается во всяком талантливом тексте, преломляясь в сознании творческого человека. Поэтому в сборник естественно и гармонично вошла живая и органичная лирика, а также мудрая и вдумчивая проза.

Не осталась без внимания и увлекательная беллетристика, занимательный вымысел, который при всей своей легкости далеко не всегда является легкомысленным, поскольку удобен для постановки серьезных этических вопросов или размышлений в любом жанре и стиле, будь то детектив или

фантастика. Так что литература здесь представлена во всех своих вариациях, каждая из которых важна и интересна.

**Номинанты литературного
конкурса-премии
им. М. А. Шолохова**

Лилия Долина и Юлия Соловей





Лилия и Юлия – соавторы, пишут стихи на разные темы и сказки для детей. Лилия окончила Бердянский пединститут по специальности «педагогика и психология», Юлия – университет «Украина» по направлению «банковское дело». Прежде Лилия работала воспитателем в детсаду, методистом в подростковом клубе, сейчас – ухаживает за больной

мамой. Юлия трудилась торговым представителем, коммерческим директором, логистом. Вместе авторы собрали сборник стихов «Поэт и композитор».

Пишут на волнующие их темы: «Дети-сироты», «Береги окружающий мир», «Онкобольные», «Открой в себе талант», «Любовная лирика» (для написания песен). Ищут композиторов и исполнителей для своих стихов.

Жизнь – праздник

Жизнь сегодня похожа на праздник,
Что ворвался в твой радостный дом.
Словно резвый весёлый проказник
Поселился с везением в нём.
Накатила, потом захлестнула,
Захлестнула удачи волна.
Всё, о чём так мечтал и стремился,
Получаешь сегодня сполна.
За труды, за упорство и веру,
За открытое сердце твоё
Дарит мир щедро счастье без меры,
Золотым льёт дождём (о-ё-ё!).
Накатила, потом захлестнула,
Захлестнула удачи волна.
Всё, о чём так мечтал и стремился,
Получаешь сегодня сполна.
Солнце в небе для всех светит ярко.

Жизнь пророчит огромный успех.
Принимай по заслугам подарки
И поверь, что их хватит на всех.

Танцующий фонтан

Мне Ангел песню подарил,
Ключи от счастья всем вручил.
Мечта заветная сбылась.
Душа фонтаном разлилась.
Фонтан, танцующий фонтан!
Фонтан блестит и тут и там.
И в каждой капельке цветной
Ликует, льётся голос мой.
Как птица звонкая, пою.
Шлю всем привет. Я вас люблю!
Уже настал ведь час другой.
Идёт, грядёт век золотой.
Фонтан, танцующий фонтан!
Фонтан блестит и тут и там.
И в каждой капельке цветной
Ликует, льётся голос мой.
Поверьте, люди, в чудеса,
Что нам даруют небеса.
Давайте вместе будем петь,
С любовью в новый мир смотреть.

Блеск обручального колечка

На свадьбе музыка играет,
Задорно льётся звонкий смех.
Тебе колечко надеваю,
Целую на глазах у всех.
Блеск обручального колечка!
Дрожит, дрожит души струна.
Моя любовь, моё сердечко,
Ты мне законная жена.
Ты, словно лебедь, в белом платье
По залу медленно плывёшь.
Друзья нас громко поздравляют,
А ты в лучах любви цветёшь.
Блеск обручального колечка!
Дрожит, дрожит души струна.
Моя любовь, моё сердечко,
Ты мне законная жена.
Радость фонтаном бурным льётся.
Порыв страстей в груди штормит.
Пусть нам удача улыбнётся,
Пусть счастье на пути сулит.

Любимый супруг

Поздним вечером зимним возвращаюсь домой,
На звонок нажимаю посильнее рукой.
На пороге встречает улыбаясь жена,
Тихо голосом нежным говорит мне она:
«Благодарю тебя, родной, за годы все, что ты со мной,
За то, что любишь ты меня и мы с тобой одна семья.
За верность, преданность твою я вновь тебя благодарю,
За добрый взгляд и нежность рук, любимый, дорогой
супруг!»
На весь дом раздаётся озорной детский смех.
Дочка с сыном смеются, в глазах радость у всех.
Жизнь наш дом наполняет, дарит счастье сполна.
Вновь и вновь повторяет мне с любовью жена:
«Благодарю тебя, родной, за годы все, что ты со мной,
За то, что любишь ты меня и мы с тобой одна семья.
За верность, преданность твою я вновь тебя благодарю,
За добрый взгляд и нежность рук, любимый, дорогой
супруг!»

Лебёдушка

В хмурый день по озеру лебедь проплывал.
Он свою лебёдушку целый день искал:
– Где ж ты, моя милая? Крикни, отзовись.
Нежность белокрылая, в жизнь мою вернись!
Лебёдушка, лебёдушка,
Любовь, судьба моя.

Лебёдушка, лебёдушка,
Не жить мне без тебя!
Он нашёл любимую в зарослях густых.
Перебито крылышко, боль в глазах родных.
Лебедь долго милую нежно целовал.
Рану заговаривал, слезой омывал.
– Лебёдушка, лебёдушка,
Любовь, судьба моя.
Лебёдушка, лебёдушка,
Не жить мне без тебя!
Улетели лебеди осенью на юг,
Но свою любимую не покинул друг.
Хоть зима суровая, снежная была,
С первым тёплым солнышком рана зажила.

Фиалочка

В весенний день в саду любви фиалочка росла.
Нежна, ажурна и мила красавица была,
А издавала аромат на весь прекрасный сад.
Полюбоваться красотой, наверно, каждый рад.
Фиалочка, фиалочка, фиалочка цвела.
Манила нежностью своей, в любви она росла.
Фиалочка, фиалочка дарила аромат,
Чтоб сердце каждого из нас цвело, как вешний сад.
Тёплый весенний ветерок цветочек обдувал
И каждый нежный лепесток в порыве целовал.

Таинственно в ночной тиши он о любви ей пел,
А по утрам её покой нарушить не хотел.
Фиалочка, фиалочка, фиалочка цвела.
Манила нежностью своей, в любви она росла.
Фиалочка, фиалочка дарила аромат,
Чтоб сердце каждого из нас цвело, как вешний сад.
Но вот пришел в сад человек, он часто здесь бывал.
Своею грубою ногой он сад весь истоптал.
Ради забавы, просто так, цветочек он сорвал,
И, бросив под ноги себе, он в грязь его втоптал.
Фиалочка, фиалочка, фиалочка цвела.
Манила нежностью своей, в любви она росла.
Фиалочка, фиалочка дарила аромат,
Чтоб сердце каждого из нас цвело, как вешний сад.
С тех пор весной в хмуром саду лишь слышен ветра вой,
А от бездушных, злых людей любовь ушла долой.
Учись хранить прекрасное ты с самых ранних лет,
Чтоб в радости прожить свой век, не зная мук и бед.

Не уходи, любовь

Не уходи, любовь, тебя прошу!
Я вся продрогла без тебя, дрожу.
А на дворе мороз, метель метёт.
В моей душе ледяной снег идёт.
Больно, в душе так больно, помоги!
Молча прошу тебя, не уходи!

Вьюгу ты в моём сердце успокой.
Буду я жить, дышать только тобой.
К тебе я босиком в метель бегу,
И тает след мой быстро на снегу.
Я так хочу вернуть тебя, постой.
Молю тебя – останься ты со мной!
Больно, в душе так больно, помоги!
Молча прошу тебя, не уходи!
Вьюгу ты в моём сердце успокой.
Буду я жить, дышать только тобой.
Ну как смогу я без тебя прожить?
Я так хочу счастливой быть, любить.
Сердечко мне сковал холодный лёд.
А без любви меня лишь бездна ждёт.

Ледяная стужа

Я остался один – ни родни, ни дома.
Сердца злая тоска мне теперь знакома.
Все друзья обо мне навсегда забыли,
Обстоятельства нас, видно, разлучили.
В день морозный зимой ледяная стужа.
Свистит ветер шальной: «Ну кому ты нужен?»
Никому, никому, никому не нужен.
На душе у меня ледяная стужа.
Одиноко стою и понять пытаюсь:
Что я сделал не так, чего добиваюсь?

Может, что делать мне, кто-нибудь подскажет,
Куда дальше идти, новый путь укажет.
В день морозный зимой ледяная стужа.
Свистит ветер шальной: «Ну кому ты нужен?»
Никому, никому, никому не нужен.
На душе у меня ледяная стужа.
Неужели себе не найду я друга?
Снег летит, и метёт злая больно вьюга.
Ну а сердце кричит: «Помогите, люди!»
И на месте моём пусть никто не будет.
В день морозный зимой ледяная стужа.
Свистит ветер шальной: «Ну кому ты нужен?»
Никому, никому, никому не нужен.
На душе у меня ледяная стужа.

Плыву против течения

Я сейчас плыву в жизненной реке,
Там мечту мою видно вдалеке.
Изо всех сил гребу тоненьким веслом.
К цели доплыву, отдохну потом.
А течением вновь несёт меня
В омут с головой, тишиной маня.
А поток реки разливается,
Сбить меня с пути всё старается.
Милый, дорогой, ты меня пойми
И навстречу мне руку протяни.

Ты не ставь преград на моём пути,
Не тяни назад – лучше помоги.
А течением вновь несёт меня
В омут с головой, тишиной маня.
А поток реки разливается,
Сбить меня с пути всё старается.
Ты же обещал быть опорой мне.
Почему стоишь хмуро в стороне?
Знай, я сильная, знай, я доплыву!
И мечта моя станет наяву!
Пусть течением вновь несёт меня
В омут с головой, тишиной маня.
Пусть поток реки разливается,
Но напрасно он так старается.

Лети

Тихим тёплым вечером в парке под кустом
Подобрал я горлицу с раненым крылом.
Голубка красивая, дикая была.
Исцарапав руки мне, рукав порвала.
Я её выхаживал в заботах о ней.
Нежно я любил её, как мать своих детей.
Боролся за неё, рану излечил.
Утром в небо синее смело отпустил.
Лети, моя голубушка,
Счастливым день встречай!

Я без тебя буду скучать,
Меня ты вспоминай.
Прошло четыре месяца, я вечером гулял.
Красивую девчоночку в том парке повстречал.
Влюбился, братцы, по уши в зелёные глаза,
Манили губки алые и длинная коса.
Пять лет – как будто день один – встречались любу с ней.
Потом сказала мне она, что ей мой друг милей.
Молила, горько плакала, просила: «Отпусти».
А я ответил ей тогда: «Голубушка, лети!»
Лети, моя голубушка,
Счастливый день встречай!
Я без тебя буду скучать,
Меня ты вспоминай.
Уже седеют волосы. Я жил или не жил?
Лишь вспоминаю об одном – когда-то я любил.
Влетела в душу горлица откуда-то извне.
Всю жизнь мою запутала, изранив сердце мне.
А высоко над головой вновь голуби летят.
Легко взмахнут они крылом, с собою вдаль манят.
И вот я в одиночестве который час стою.
Печальным взглядом в небеса далёкие смотрю.
Лети, моя голубушка...

Букет свежих роз

Помнишь, милый, о любви страстно говорил?

Свежих белых роз букет ты мне подарил.
Среди нежных лепестков был один нарцисс.
Видно, это тайный знак, злой судьбы каприз.
На столе стоят белые цветы.
Роза и нарцисс – это я и ты.
Горд собой нарцисс в кругу свежих роз.
Ну а мой цветок жалко мне до слёз.
Ты же знал, что я люблю белые цветы,
Но для счастья в жизни мне нужен только ты.
Я в числе твоих подруг всё к тебе тянусь,
Только преданной любви, видно, не дождусь.
На столе стоят белые цветы.
Роза и нарцисс – это я и ты.
Горд собой нарцисс в кругу свежих роз.
Ну а мой цветок жалко мне до слёз.
Важною походкою по жизни идёшь.
Гордо подняв голову, вновь букет несёшь.
Сколько белых роз таких ты другим дарил?
А цветок мой лишь привял, ты меня забыл.
На столе стоят белые цветы.
Роза и нарцисс – это я и ты.

Как найти в жизни просвет

В королевстве кривых зеркал
Я бродил, выход я искал,
Сбился с ног, заблудился я,

Со мной шутит судьба моя.
Как найти мне в жизни просвет?
Счастья нет, да и денег нет.
Отвернулся весь белый свет.
У кого мне искать совет?
Разлетелись друзья все вмиг.
Ну а чего я в жизни достиг?
Ни семьи, ни работы мне
Не досталось в той стороне.
Как найти мне в жизни просвет?
Счастья нет, да и денег нет.
Отвернулся весь белый свет.
У кого мне искать совет?
Очень мало осталось сил.
Где-то счастье я загубил.
Жизнь несётся вихрем вперёд,
Неизвестно, что завтра ждёт.

Океан жизни

К сожаленью, нельзя жизнь прожить без потерь,
Но придут снова праздники светлые, верь.
И душа запоёт, излечившись от ран,
Новым смыслом наполнится, как океан.
Наша жизнь – океан, океан новостей.
Он глубок, он таинственный, полон страстей.
Жизнь несётся вперёд, не грусти, не робей,

Не спеши расставаться с мечтою своей.
Снова утро придёт, запоют соловьи.
Не сдавайся, борись, побеждай и живи.
Смелым будь, сильным будь, с новой силой дерзай.
В жизни всё переменится, не забывай.
Наша жизнь – океан, океан новостей.
Он глубок, он таинственный, полон страстей.
Жизнь несётся вперёд, не грусти, не робей,
Не спеши расставаться с мечтою своей.

Александр Евсиков



Автор поэтических сборников «Фиолетовые стихи», «Мысли и чувства в рифму», поэмы «Ольга Репнина», поэ-

тического романа «Переволока», романа «Тень пирамиды». Принимал участие в русско-японском поэтическом сборнике «Душа» (Москва). Имеет диплом за стихи, переведённые на японский язык в конкурсе «Басё» (Киото, Япония).

Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2014» в номинации «Моя малая родина». Дипломант литературной премии имени Антуана де Сент-Экзюпери в Париже (2015) за рукописные авторские стихи в поэтическом сборнике «Автограф». В соавторстве с художником Чаловым М. П. создал историко-инсталляционную книгу «Царицын, Сталинград, Волгоград».

В 2019 г. в рамках I Международного литературного фестиваля имени А. С. Пушкина получил памятный знак и диплом финалиста конкурса Московской городской организации Союза писателей России за отрывок из поэмы «Сие же вездь» в сборнике «Современникъ».

Стихи представлены в журналах «Российская литература», «Спутник», «Современная литература России», «Российский колокол». Номинирован на Лондонскую литературную премию. Член Интернационального Союза писателей.

Сие же вездь (Об этом знай)

Отрывок

История проверяет, в какой мере существует у

Часть IV

Глава 6

Весной, столетье за столетьем,
Ласкает степь казачий взор:
Возрос пахучим разноцветьем
Цветов лазоревых ковёр.
И это чудное явление –
Цветущей жизни обновленье –
В восторг приводит казаков
Красою дивных лепестков!
Прозрачный воздух шевелится
От крыльев бабочек и пчёл.
Степан бы тоже предпочёл
Нектара сладкого напиться,
Да только некогда ему –
Весны красоты ни к чему.

Ему б скорей к войне добраться,
Найти позиции донцов:
С Корнилой треба¹ поквитаться,

¹ Треба – нужно (укр.).

Найти губителей-стрельцов!
Герасим Грек с ним скачет рядом.
Они без слов, одним лишь взглядом
Могли общаться меж собой.
Герасим, как никто другой,
Прекрасно знал повадки друга,
То, отчего Степан молчал,
И сам ему не докучал –
Знал, как ему на сердце туго.
Грек только вздрогнуть лишь успел,
Когда внезапно друг запел:

«Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелёный,
Отчего же ты, мой сад,
Сад, не рано цветёшь?
Что не рано, сад, цветёшь, осыпаеши?
Ской далёко, милый друг, собираеши?»
Степан пел нарочито громко,
От всей души – почти кричал!
Уздою тонкой, как постромка,
В такт песне медленно качал.
Должно, Степана попустило –
Незримо горе отступило,
И, словно лекарь, песни слог
Печали выплеснуть помог.
Он просветлел лицом немного;
Вокруг как сызнова взглянул;
Рукой Герасиму махнул:

«Гайда! Не так длинна дорога.
Глядишь, ещё денёк-другой –
И свидимся с Днепром-рекой».

Когда же Хортица-станция –
Друзьям предстала на пути,
Не довелось их думкам сбыться,
Поскольку незачем идти
До поля битвы – битвы нету!
Им не призвать убийц к ответу:
Позамирились меж собой
Король и царь. Теперь гурьбой
Нешадно делят Украину!
Днепр отдаляет берега:
Кому отчизна дорога –
Бегут на эту половину,
Где Днепр разлился широко,
Где атаман Иван Сирко.

Донцы ж намереди возвернулись –
Корнила их увёл домой.
«Должно, вы с ними разминувшись,
Раз прискакали по прямой», –
Сказал Иван Сирко Степану.
Тот прямо глянул атаману
В глаза и задал свой вопрос:
«Как звать стрельца, шо Ваню снёс
В лесу ударом подлым сзади?!»
«Той стремянной стрелец Антип

Нежданно вскорости погиб;
Ты ж не журися², Христа ради, –
Сирко с двух рук обнял его:
Стрела нашла его легко».

Глава 7

Вмиг Окраина запылала!
Везде, меж Бугом и Днестром,
Рыдала! Горестно стонала!
Страшилась плахи с топором!
Там нарождалось мистне панство³,
Царь русский жаловал дворянство.
Не счесть погромов, мятежей,
Убийств, восстаний, грабежей!
Тень католической Европы
Нависла смертью над страной!
И запорожской стороной
Бежали панские холопы
К днепровским плавням, «до Сирка» –
«Неволя, як польнь, горька!»

Степан и Грек с панами дрались –
Сирку в сраженьях помогли, –
Но летом всё ж таки собрались

² Не журися – не печалься, не горюй (укр.).

³ Мистне панство – местное панство (укр.).

Вертаться до родной земли.
Борьбой за правду заражённый,
Степан, друзьями окружённый,
Спешил собрать по Дону рать –
«Азов у турка отобрать!»
Ушли с ним вместе от неволи
Двенадцать вольных казаков
На Дон с днепровских берегов
Шукать⁴ для жизни лучшей доли:
Лихие войны, земляки,
Усатые холостяки.

На Дон со всех сторон стекался
Свободы жаждущий народ.
К станицам сбоку прибивался,
Старшины звали их «наброд»⁵.
Вести зачем-то стали сами
Себя надменно с беглецами
Разбогатевшие донцы
Да понизовые купцы.
Но полнится Подонье слухом,
Что зимовейский атаман,
Сын средний Разиных, Степан,
Всех мужиков с голодным брюхом
К себе стал в войско призывать –
Азов намерен воевать!

⁴ Шукать – искать (укр.).

⁵ Наброд – пришлые, сброд (укр.).

В один из дней из-под Рязани
Пришёл на Дон Сергей Кривой.
Мужчин босых в тряпье и рвани
Он сотни три привёл с собой:
Искать поживы, хлеба, соли;
Пожить хоть малость с чувством воли!
Не для того, чтоб богатеть,
А чтоб наесться да надеть
В бою добытую одежду.
Толпу вожак Сергей Кривой
Водил на битву и разбой
И подавал им всем надёжу –
Коль на Дону приют найдут,
То их в обиду не дадут.

Русь испокон крепка корнями –
Людьми, прекрасными душой!
Сильна Россия деревнями
Да верой искренней, большой!
Но зачастую ближе к власти
Тот, кто несёт стране напасти:
Брехун, хапуга и злодей.
Как можно не любить людей?!
Зачем над ними издеваться,
Став у державы во главе?
Что происходит в голове?
Как можно властью упиваться,
Губить народ, культуру, речь,
Русь не ценить и не беречь!

Часть V

Глава 1

По шири русского раздолья
Течёт прекрасная Ока.
Льёт воды к древу Лукоморья –
Чиста, волшебна, глубока.
Питает мир живою влагой,
Людей – здоровьем и отвагой;
Бурлит весеннюю порой,
Сливаясь с Упой и Угрой.
Там в битвах русский дух ковался!
И, как слиянье этих рек,
Душою русский человек
В надежде искренней сливался:
Ждал, что приблизится пора
Всемерной правды и добра.

Страх, обречённость, безысходность
Дрожат пред верой во Христа!
Взросло понятие «народность» –
Явило людям неспроста
Характер, волю, единенье.
Возникло дивное явление –

Русь православная! Народ!
Свершился в жизни оборот:
Своей бескрайней широтою,
Смиренной верой, добротой
И величавой красотой;
Ко всем с душевной простотою
Народность русская возшла –
Свет правды алчущим зажгла.

Степану Разину достойно
Об этом молвил у реки
Сергей Кривой, когда застольно
Беззлобно ржали казаки
Над одежкой оборванцев –
Курян, калужцев да рязанцев,
Сидевших кругом у котла:
«Портки истёрлися дотла».
«Пусть нынче – дырки да заплаты,
А коль возьмёте нас с собой,
Тогда покажет первый бой,
Что крепче – русский дух иль латы!» –
Промолвил, крепко сжав кулак,
Рязанских беженцев вожак.
Степану сразу полюбился
Рязанцев гордый дух и прыть.
Он им раздал, не поскупился,
Одежду, что сумел добыть
В сраженьях с гетманством днепровским.
Заветам следуя отцовским,

Вооружил да накормил,
И этим многих изумил:
«С чем завтра ринемся в атаку?!
Раздал им порох и свинец!
А как придёт харчам конец –
Голодным кто полезет в драку
В походе скором на Азак?
Мужик голодный иль казак!»

Донцы тогда ещё не знали,
О чём подумывал Степан.
Ему же весточку прислали
О том, что скоро караван
Купцов из Новгорода Волгой
Пойдёт с зерном дорогой долгой
На Каспий, к персам. Что пора,
Пока не началась жара,
От Дона к Волге пробираться.
О том, что с радужной мечтой –
Султану дать в Азове бой –
Придётся временно расстаться.
Тому есть множество причин
С коварством дружеских личин.

Глава 2

К Степану прибыл из Черкаска

Корнилы-крёстного сосед;
Предупредил друзей с опаской
О череде грядущих бед.
Он рассказал про хлебосольство,
С каким паша встречал посольство:
Решил Корнила упредить
Пашу что станут подходить
Людишки бедные к Азаку
И, чтоб паша не думал зря:
«Вне воли русского царя
Глупцы готовят с турком драку».
И что казачество низов
Их не пропустит на Азов!

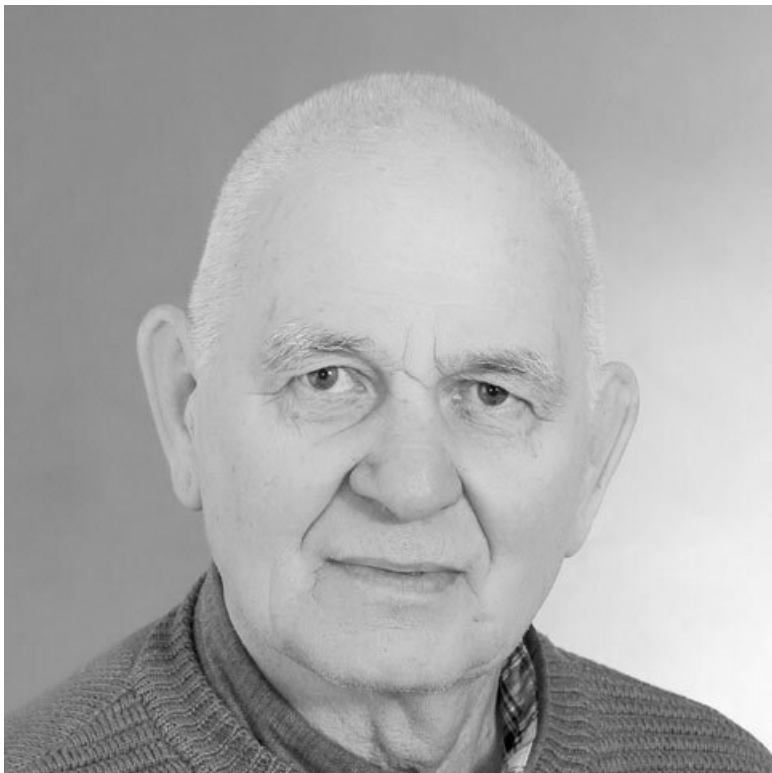
Прознал Степан: ещё немного –
В Азов на крепость и редут
Придёт из Турции подмога,
По морю войнов подвезут!
Степан ничуть не удивился –
Он даже втайне согласился,
Что к штурму вовсе не готов;
Положит множество голов –
И беглых, голодом заражённых;
И верных братьев-казаков,
И неумелых мужиков,
К войне едва вооружённых;
И что с внезапностью атак
Он сам теперь попал впросак.
Июньской ночью окружённый,

У потускневшего костра
Сидел он, в думы погружённый,
Решал: пора иль не пора...
Уже рассвет зашевелился –
С зарёю всё ж таки решился
Лихих и беглых атаман
Торговый грабить караван.
А раз решил – то сбор недолгий:
Мчат лодки-чайки по реке
Вверх! В Паншин! В этом городке
Есть давний волок с Дона к Волге.
А там, чуть ниже, над водой
Был берег высокий и крутой.

Шли дни в тревожном ожиданье...
Прищурясь, Разин наблюдал,
Как пыл сменяло увяданье,
Задор на лицах пропадал.
И он придумал развлеченье:
Начать шермиции – ученья.
Бывалых в битвах казаков
И мудрых войнов-стариков
Назначил старшими в десятках
Из новобранцев-мужиков,
Чтоб молодых и стариков
Учили не погибнуть в схватках
И в одиночку, и гужом;
Владеть нагайкой и ножом.

Казачий танец, фланкировка –
Уменье саблями вращать –
Заворожал! А джигитовка –
Коня командой укрощать
И на скаку соревноваться:
Сползать под пузо, подниматься
В седло и, стоя на ногах,
Кружиться с саблями в руках –
Всех приводила в изумленье.
Азарт, старание и смех
Сулили будущий успех,
Приподнимали настроенье;
И память ратного труда
Осталась в мышцах навсегда.

Виктор Ефремов



Родился в СССР, в Крыму, в 1949 году. Земля Крыма, наполненная воспоминаниями многих войн, особенно Великой Отечественной, давала знать о себе, когда в большинстве

случаев находишь вещи, принадлежавшие советскому солдату, защищавшему свою землю.

Родные автора были переселенцами, переезжали из одной области в другую, видели, как люди восстанавливали страну, и сами принимали в этом участие.

Жил и работал в Иркутской области тридцать семь лет. Сейчас живет в Забайкальском крае, в пгт Атамановка. Есть двое детей, дочь и сын, которые с уважением относятся к старшему поколению. Творчеством начал заниматься в 2015 году, будучи пенсионером. Большая заслуга в этом принадлежит детям автора, которые помогают ему и сами учатся в совершенстве владеть творческим писательским процессом.

Печатается в «Российском колоколе» с 2015 года, в альманахе «Новые писатели России» литературной премии имени М. Ю. Лермонтова публикуются отрывки из книги «Тайны Земли». Закончена вторая часть продолжения этой книги «Измерено временем».

Рассказы из детства

В большинстве случаев воспоминания из детства отражаются в сознании в виде эпизодов, которые остаются на всю жизнь и передаются среди друзей и знакомых в виде рассказов – пусть даже где-то преувеличенных и вымышленных, но товарищами они прекрасно воспринимаются и слушаются.

Крым – необыкновенное место. Оно притягивает к себе не только туристов, гостей, но и своих же, жителей полуострова, особенно детей, которые постоянно в поисках чего-нибудь интересного на воде, под водой, на земле и под землёй, в катакомбах и других объектах, во время войны находившихся под пристальным вниманием. Теперь уже, по прошествии стольких лет, они стали угрозой для проживающих в Крыму и приезжих гостей. Дети же, пусть даже неосознанно, в поисках приключений, пытаясь найти оружие или откопать какую-то безделушку времён войны – подвергают себя и близких смертельной опасности.

Крым – красивейшее место с чудесной растительностью и ландшафтом, Чёрным морем, где можно не только отдохнуть, покататься и порыбачить, но и посмотреть множество достопримечательностей, которыми мы гордились во времена СССР, а потом, с его распадом, мы потеряли Крым на многие годы. И только события на Украине дали возможность вернуть Севастополь и Крым себе, на родину. Радости нет предела, особенно для тех, кто там жил, родился и по каким-то соображениям выехал с полуострова. Теперь вот она, частица нашей России!

Как я научился плавать

Среди детей в возрасте шести-семи лет, живших у Чёрно-

го моря, не уметь плавать считалось делом позорным. Я не умел. Друзья меня не осуждали, но недоверчивый взгляд их, когда я бродил по берегу или собирал морские ракушки, казался мне насмешливым. Иногда я забирался на скалы, бросал камни с высоты в морскую даль и наблюдал, как баркасы с рыбаками проплывали вдаль. Мне так хотелось оказаться с ними и проплыть на баркасе по волнам!

У моего друга Вовки Краснова отец ловил рыбу на этой большой лодке, и он рано уходил в море. Меня как-то осенила мысль – надоумить Вовку, чтобы он попросил у своего отца прокатить нас на баркасе. А что? Вовка раза два или три выходил в море с рыбаками, а мы что, хуже их? Я спустился вниз со скалы к камням – большим валунам, где постоянно плавали мои друзья и ныряли с них. Я с восхищением понаблюдал за ними – как они лихо держались на воде и плыли от камня к камню по-собачьи! А Колька, самый старший из нас, четверых друзей, умел плавать даже вразмашку. Я всем им завидовал по-детски, сам же не умел плавать потому, что боялся глубины и боялся утонуть. Мы с мамой в Балаклаве ходили на пляж, и я там видел, как мужчины вытащили из воды утопленника. После этого у меня появилась боязнь глубины, и, когда я входил в воду, меня не покидало чувство страха, что я проваливаюсь куда-то.

Я подождал своих друзей, когда они вылезут из воды обсохнуть и обогреться на солнце, которое не сильно сегодня баловало. Оно больше пряталось за тучи, надвигавшиеся со

стороны моря в компании с прохладным ветром, но это лишь радовало наших пловцов: море, волнуясь, поднимало волны, и они разбивались о скалы и валуны, фонтаном падали на моих друзей, да ещё и раскачивали из стороны в сторону. Развлечение приятное, но небезопасное.

Я тоже любил заходить по плечи в воду, и меня волной отбрасывало к берегу. Мама всё ругала и требовала, чтобы я глубоко не заходил – а тем более когда я без разрешения убежал с друзьями к берегу моря. Хватало два-три свистка друзей, и я пулей вылетал из дома – и мы все вчетвером по тропинке спускались к морю, к нашему любимому месту у скал, и там допоздна купались, бродили, играли. Мама у меня уже привыкла к моим прогулкам, но без ругани и чтения морали не обходилось, она всё твердила: «Ты же сам видел утопленника и тем более не умеешь плавать. Поэтому я беспокоюсь о тебе – научись сначала плавать». Я всегда в таких случаях говорил: «Да я уже почти научился, но плохо».

Когда ребята обсохли и мы собрались уходить, я обратился к Вовке и остальным друзьям:

– Ребята, давайте попросим Вовкиного отца прокатить нас на баркасе – или ты сам спроси у него, может, разрешит. Он же брал тебя?

Вовка с неохотой посмотрел на меня, но проговорил:

– Я не знаю, разрешит ли, да ещё четверых... Попрошу маму, пусть поговорит с ним – он маму больше слушает.

– Ребята, давайте через дня два-три. Мы с родителями

завтра едем в город, а одного они меня не оставят, – заявил Колька, надевая на высохшее тело майку, и продолжил:

– Я тоже со всеми хочу на баркас.

Мы по тропинке поднимались не спеша вверх, к своим домам на одной улице. Дома у всех были одинаковыми, построенными из блоков ракушечного отложения – лёгкими. На каждой стороне стояло около двадцати домов. Колхоз небольшой – в основном здесь занимались рыбной ловлей. Имелась школа до четвёртого класса, напротив – клуб и здание по переработке рыбы, а также была маленькая колхозная ферма, где в основном работали женщины – наши мамы.

Когда мы подходили к дому Краснова Вовки, крайнему в колхозе, Васька, молчавший всю дорогу, предложил:

– А если Вовкин отец не разрешит нам всем, давайте все вместе попросим кого-нибудь ещё из рыбаков?

– Давайте! – обрадовался Вовка, что ему не придётся уговаривать своих родителей.

– Нет, сначала пусть спросит, а уж потом, если не получится, будем просить других. Только без обмана! Хорошо? – окончательно сказал я, и мы пошли по своим домам.

В доме у нас никого не было, кроме собаки. Родители находились ещё на работе, а брат старший помогал отцу на стройке какого-то дома. Я стал обдумывать план, как нам поступить завтра. А вдруг откажут? А может, рискнуть и спрятаться в баркасе под брезентом, а там будь что будет? Или отказаться от этой идеи? Тогда я буду трусом – сам предло-

жил. Подумал я над планом своим и решил вечером сходить к Вовке – узнать, а потом отправиться в колхозную гавань, где швартуются все колхозные лодки и баркасы, посмотреть, в какой из них можно спрятаться.

Когда стало темнеть, я пошёл к Ваське, он жил рядом – через три дома от меня. Наши родители дружили и работали вместе. Когда подошёл к дому, он играл с собачкой.

– Вась, пойдём дойдём до Вовки, у меня есть план. Сначала узнаем, разрешили ли родители ему, а потом сходим в нашу гавань и присмотримся что и как. Я был настроен хоть сегодня сорваться с кем-нибудь в море – лишь бы взяли.

– Пошли, – с удовольствием согласился Васька. Он обрадовался, что именно его я взял с собой – самого молчаливого из наших друзей. Он ходил с нами везде, когда мы вместе брали этого молчуна для компании. В этот раз ему повезло, что мы вдвоём идём на какое-то задание. А задание было плёвое – разузнать обстановку на завтрашний день.

До Вовкиного дома было не так далеко, но потом – если у него ничего не получится, – нам придётся возвращаться назад к себе, а затем ещё километра два топать к нашей гавани, когда начнёт темнеть. Но это нас не пугало, мы только ускорили шаг. Когда нам оставалось совсем немного – мы уже поравнялись с домом соседей Красновых, – из своего дома выскочил Вовка, а за ним с веником в руках – его мама. Мы остановились и спрятались за кусты сирени, которые росли напротив почти каждого дома. Вовка выбежал из калитки,

его мама с порога кричала:

– Ты что задумал? Всех собрать друзей и катать? Ты что думаешь – если отец тебя одного прокатил, значит, всех можно? Я его и не подумаю уговаривать, и лучше выбрось эту затею из головы! Я ещё поговорю с твоими друзьями и их родителями, а то что задумали!

Вовка шёл в нашу сторону расстроенный и запыхавшийся, но, не доходя кустов сирени, где стояли мы, остановился. Мама его уже не ругалась, а вошла в свой дом, и дверь закрылась. Вовка уже повернулся назад, чтобы уйти, как я ему тихонько свистнул. Он узнал мой сигнал, остановился, посмотрел на кусты. Мы не стали выходить из укрытия, боясь, что Вовкина мама могла наблюдать в окно. Вовка догадался и сам зашёл в заросли. Зная, что мы всё слышали, он не стал оправдываться, а прямо сказал:

– Хорошо, чтоб она отцу не сказала, я же говорил, что навряд ли что выйдет, да ещё к родителям к вашим пойдёт. Пойду я домой теперь уговаривать, чтоб ничего никому не говорила – особенно отцу, а то потом и меня брать с собой в море не будет. – Вовка в который раз развернулся к своему дому и – видно, что с неохотой – пошёл домой уговаривать свою мать. Мы тоже несолоно хлебавши пошли назад.

– Ну вот, один план отпал. Пойдём к лодкам и посмотрим, что нам удастся там разузнать, – сказал я, и мы ускорили шаг, так как уже стало быстро темнеть. К гавани мы шли по укатанной машинами дороге, а справа от нас росли абрикосовые

насаждения. Мы их называли дички – это плоды абрикосов, как созреют, они очень вкусные, но мельче, чем садовые. И мы всегда, чтобы утолить голод, выбирали самые спелые и сочные – рвали и отправляли себе в рот, одновременно утоляли жажду – с водой пресной у нас и вообще в Крыму в то время было плохо, хотя водопровод имелся и против каждого дома была колонка.

Я помню, как мы ходили играть в футбол с городскими ребятами. Идти приходилось около пяти километров, а в жару это очень тяжело, и постоянно хотелось пить. Если мы что-то и брали, то на полпути, делали остановку и сидели передохнуть и, конечно же, перекусить, не задумываясь о том, что нам ещё играть, а потом возвращаться назад. И мы всё то, что брали с собой, уничтожали – съедали и выпивали, а когда возвращались назад уставшие, то пить было нечего. Хорошо, когда после дождя были лужи – мы снимали с себя майки, зачерпывали какой-нибудь посудиной (если кто-то догадывался взять с собой) эту дождевую воду и, процеживая её через майку, пили, чтобы утолить жажду.

Но в данный момент до моря было недалеко, к тому же уже стало темно и пить не хотелось. Мы спустились вниз, где у причала покачивались мелкие посудины и маленькие лодки, пришвартованы верёвками, а большие лодки – баркасы и шаланды – держались на цепях. Хорошо, Васька взял фонарик – «жучок». Он без батареек, только прикладывая усилия, на ручку нажимаешь – и лампочка будет гореть, хоть и

слабо, но светит, только жужжит в тишине.

Мы прошли вдоль берега к баркасам – их было три, каждый метров по десять. Васька осветил каждый из них. Все они сверху были аккуратно прикрыты брезентом. Я хотел приподнять брезент у одной из лодок, но услышал шаги и голос – сторожа деда Игната:

– И что же вы на ночь глядя здесь потеряли, что ищете? Или собираетесь угнать лодку? – Дед Игнат хорошо знал нас и наших родителей и, конечно же, пошутил насчёт «угнать лодку». Он продолжил:

– Вижу – кто-то мигает фонариком и жужжит, подумал, сигнал подаёт, шпионит. Вот я и решил поймать шпионов и сдать в милицию, – пошутил дед. Я, честно говоря, перепугался, но ответил правдиво:

– Да мы хотели прокатиться завтра с рыбаками, но не знаем – разрешат ли...

Дед Игнат посмотрел на нас с таким видом, словно он сам сейчас нам разрешит и возьмёт нас завтра с собой. Но он потрогал бороду, погладил и сказал:

– Это хорошо, что у вас такое желание. Я вам посоветую вот что: вы завтра рано подходите сюда часиков в пять – встанете? Подойдёте, я ещё буду здесь, но только сначала спросите разрешения у родителей. Потом подходите к лодке Краснова, я с ним поговорю, он не должен отказать, он часто брал с собой своего сына Вовку. Хорошо?

Я удовлетворительно махнул головой, больше ничего не

мог ему сказать, так как мы были поставлены в тупик. Ну вот и всё – все планы рухнули! Но я не сдамся. У меня тут же созрел наглый план, которым я поделился со своим другом-молчуном Васькой:

– Ты слышал, что сказал дед Игнат? Нам это не подходит. Вдруг мама Вовкина рассказала всё – это завал. Мы лучше никого не будем просить больше, а встанем в половине пятого и скажем родителям, что пойдём рыбачить. Придём до прихода рыбаков и спрячемся под брезентом. Согласен? – закончил я.

Васька махнул головой и промямлил, что согласен. Он всегда соглашался со мной, а мне это было на руку – вдвоём веселее, а посвящать Вовку я не буду после сегодняшней взбучки от матери. А Колька завтра с утра уедет с родителями в гости, и мы останемся с Васькой вдвоём. Уже стало совсем темно, и мы разошлись по своим домам. Я только боялся, что мама уже знает о нашей затее, но, когда я зашёл домой и все уже были дома, она спросила лишь:

– Кушать будешь?

Я ответил, что буду. Значит, мама ничего не знает – это хорошо. Я помылся, поел и сказал всем, что завтра с ребятами пойду рыбачить. Отец только поинтересовался:

– На какое место собираетесь идти? Завтра будет жарко – возьмите с собой побольше воды и большое ведро для рыбы, удочка стоит в коридоре, – пошутил папка насчёт ведра под рыбу. После всего я плюхнулся в кровать и уснул.

– Вставай, сынок, рыба сбежит, не догонишь!

Я соскочил с кровати. Мама мне пожарила яиц и налила в кружку киселя. Я всё это быстро проглотил, за что от мамы получил подзатыльник. Для достоверности, что иду рыбачить, прихватил удочку и фляжку с водой. Васька уже стоял у калитки и ждал меня. Он только спросил:

– А удочка зачем?

– Мы же на рыбалку пошли – так отец решил дать удочку, ведь без удочки рыбы не поймать. Хорошо, что ведро под рыбу не взял – мне папка посоветовал, – сообщил я, и мы пошли к кустам спрятать удочку.

Вниз спустились быстро. Стояла утренняя тишина. Мы подошли к причалу где покачивались на волнах лодки. Никого на причале не было, и деда Игната нигде не видно – спит ещё, решили мы и юркнули с Васькой в один из баркасов, но не в красновский – а то греха не оберёшься, подумали мы с другом. Под брезентом было тепло и сильно пахло рыбой. Казалось, что мы здесь сидим давно, и кого ждём – непонятно. Вдруг лодка стала раскачиваться – кто-то залез на корму, и уже были слышны неразборчиво слова рыбаков. Они готовились к отплытию. У чьего-то баркаса заработал мотор, и сразу лодку, где мы спрятались, начало сильно раскачивать. Стало страшновато, но деваться было некуда – только ждать. И голоса деда Игната, да и других рыбаков, уже не было слышно. Шум моторов заглушал всё, даже нашего дыхания не слышно. Чья-то лодка уже отчалила, и на лодке, где

мы сидели, тоже заработал мотор, она начала раскачиваться сильнее. Под брезентом стало нечем дышать, и Васька что-то невнятно пробормотал. Мне стало страшно за него, и у меня мгновенно промелькнуло в голове – надо вылезать из-под брезента, пока не задохнулись. Я отбросил конец брезента, и мы с Васькой ощутили такую свежесть, вдыхая жадно воздух, а больше – страх, когда увидели, что один из рыбаков приближался к нам. Я только услышал Васькин голос:

– Прыгай!

Он уже с борта прыгнул в море, и я видел, как рыбак прыгнул следом за Васькой. Я ещё больше испугался и, забыв, что не умею плавать, тоже прыгнул в воду, ничего не видя перед собой. Я, как собачка, стал хвататься за воду руками и, сообразив, одновременно работал ногами – и почувствовал, что держусь на воде. Я изо всех сил стал размахивать руками, работая ногами, я плыл, и это придавало мне сил. Я сильно устал и боялся уйти вниз, но размышлять не было времени, и я плыл. Хорошо, что мы недалеко отплыли на лодке. Наконец я ощутил ногами твёрдое дно и так обрадовался, что выплыл сам, без посторонней помощи. Выходя из воды, я чувствовал, как у меня дрожали ноги, а навстречу мне шли один из рыбаков и дед Игнат. Рыбак громко ругался, а я про себя – а может, и вслух – всё твердил:

– Я сам выплыл, я научился плавать! – потом услышал голос деда Игната:

– Ох и достанется вам от родителей! – Но мне это было не

страшно. Я только спросил:

– А где мой друг?

– Друг твой у меня в сторожке греется. Пойдём туда – он сильно напуган. Пусть отойдёт немножко – его вытащил один из рыбаков и передал мне, а потом уплыл.

Рыбак, увидев, что я чувствую себя нормально, обратился к деду:

– Игнат, ты не рассказывай ничего родителям, пусть сами оправдываются, а я пошёл к своей лодке, хорошо?

Мы с дедом вошли в его сторожку. Васька уже оправился от испуга и пил чай. Всё, что я мог сказать:

– Васька! Я сам выплыл, я научился плавать!

Прошли годы. Я не только научился плавать и нырять, но и освоил все виды спортивного плавания. Становился чемпионом в одном из видов плавания и много раз сам спасал тонущих людей – уже не было такого страха, как в детстве, что утону, но за других я очень боялся.

Я и мой старший брат много помогали родителям во всём. Собирали абрикосы и тащили на чердак дома, там раскладывали в один слой для сушки. Срывали виноградные гроздья и заполняли ими бочки. Помогали засаливать арбузы, а самым противным для меня было отделять кукурузные зёрна от початков. Когда мы переехали в Крыму в другой колхоз, рядом с курортным городком Саки, где находилось единственное большое озеро, то времени на гулянки с друзьями стало не

хватать. Я ходил в первый класс, и у меня появились новые друзья, новые увлечения – мы больше пропадали в катакомбах.

Коллекционирование

Старший брат у меня учился в четвёртом классе, и его увлечения меня не интересовали. У него были свой круг интересов и свои друзья, а пересекались мы с ним, только, когда работали вместе по дому или помогали в колхозе собирать в саду яблоки и другие фрукты. Я гордился им, что он в таком возрасте научился водить машину – как её называли в то время, полуторку. Ему доверяли в саду вывозить ящики с фруктами, а я мог только собирать паданки и складывать в ящики.

Однажды отец попросил меня выкопать под виноградник ямки, чтобы пересадить. Я не торопясь взял лопату и пошёл к месту, где должен был копать, – рядом с забором. Через забор жили наши соседи. Мои родители уже познакомились с ними, у них была единственная дочь Жанна, и я учился с ней в одном классе, но ходили мы в школу отдельно, так как в то время не принято было ходить с девочками. Она коллекционировала фантики от конфет и марки. У меня никакого хобби не имелось, то есть увлечения, – оно у меня появилось, но ненадолго. Когда мы жили под Балаклавой, где было рядом море, я мог вдоволь плавать (и именно там этому научился).

Но здесь море было в двадцати километрах, а до озера около города Саки – тоже недалеко, и моё увлечение плаванием накрылось. Оставалось тоже собирать фантики, как моя соседка. Но это было не моё – собирать фантики и марки.

Я не торопясь начал лопатой ковырять верхний слой земли, а сам чувствовал: за мной кто-то за забором, из-за кустов наблюдает. Не люблю, когда подсматривают. Я поднял маленький камушек с земли и бросил в кусты, а оттуда раздался голос соседки-одноклассницы Жанны:

– Ты что, дурак, кидаешься?

Она вышла из кустов, подошла вплотную к забору и продолжала:

– Ты почему ни с кем не дружишь и не играешь? Хочешь со мной дружить? Я тебе покажу марки и фантики – у меня их много. Наши родители же дружат.

– Вот ещё не хватало – с девчонками дружить. У меня много друзей в школе.

Мы ходили в катакомбы после школы – они находились рядом, и учителя не одобряли, что сразу после занятий многие уходили под землю. Некоторые сбегали и прятались там. Вход в катакомбы закладывали, но кто-то всё равно делал лаз и пробирался туда – наверное, в поисках оружия или ещё чего-нибудь. В послевоенное время в катакомбах, где прятались партизаны, можно было найти много оружия и всякой утвари. Это всех привлекало и манило – что-нибудь обнаружить в этих подземельях.

– Мне нужно копать, не мешай мне, иди рассматривай свои фантики, – продолжал я, а любопытство посмотреть марки не покидало меня. У нас многие мальчишки в классе коллекционировали марки. Мой новый друг Петька тоже собирал их. Он приносил марки в школу, и мы смотрели – мне понравились. Петька жил через три дома от нас, но они часто с бабушкой уезжали после школы в город. И в этот раз его не было дома.

– Надо же – деловой, да у меня марок больше, чем у Петьки. – Она отошла от забора и, недовольная, пошла к себе домой. Обиделась, ну и чёрт с ней – мне всё равно некогда. Я дальше продолжал раскапывать ямку, но она не поддавалась, грунт был плотный. Здесь без лома не обойтись! Бросив лопату, я пошёл за ломом. Лом для меня был тяжёл, но я всё равно поднимал его и долбил – пока мозоль не натёр на ладони. Ещё удар – и земля провалилась куда-то в неглубокий колодец около метра.

Я залезал в него с ведром и насыпал землю в ведро, а потом поднимал наверх и высыпал. Ну и работка, и зачем я это делаю – может, не понадобится такая яма? Может, подождать отца? Но меня заинтересовал этот колодец. А вдруг там клад? Петька рассказывал, как он играл около своего старого дома, копал ямку и нашёл в земле кувшин с монетами и перепрятал его от родителей. Он приносил одну монету в школу и показывал мне – 1896 года медные пять копеек. Я всё быстрее стал выбирать землю – и неожиданно наткнулся

на сгнившую от времени красноармейскую фуражку – от неё остались козырёк и звёздочка. Рядом лежали португеза кожаная, местами повреждённая, и кобура раскрытая, а неподалёку – пистолет с барабаном. Я в первую очередь схватил пистолет и стал его рассматривать, в барабан входило семь патронов. Вместе с наганом я вылез из колодца и направился к дому, размышляя, куда же спрятать оружие. Недолго думая, пока родителей и брата не было дома, я залез на чердак и там надёжно укрыл находку. Удостоверившись, что меня никто не заметил, слез с чердака и в раздумье подошёл к колодцу. Дальше я его чистить не стал – лучше подожду отца.

Когда отец вернулся с работы, я его встретил, показал колодец и рассказал, как всё было, но про пистолет, конечно, не сказал. Оружия после войны все находили много, особенно мальчишки и в катакомбах. Почти у всех имелись штык-ножи, многие отыскивали гранаты, пистолеты и винтовки, которые сдавали в милицию, а некоторые хранили у себя дома. Много было патронов всяких – разного калибра. У нас за фермой в силосной яме даже валялся перевернутый немецкий танк.

Я с нетерпением ждал момента, когда смогу осмотреть свою находку – наган. На следующий день после школы, когда никого не было дома, залез на чердак и там начал его разглядывать. Наган немного проржавел, особенно ручка. Обод у неё был металлический, а сама она – из какого-то красного дерева, уже подгнившая. Я потрогал ручку, она шаталась,

но не выходила с ободка. Надо её выбить – пришла в голову неудачная мысль, и я взял рядом лежавший металлический стержень вместо молотка. Удар был не сильный, но деревянная ручка вылетела из ободка, и сам ободок лопнул. Ну и рухлядь – так я его разломаю. Надо его почистить. Я знал, что курок взводить опасно, проверил барабан – он свободно крутился. Опустив барабан, с трудом, но осторожно вытащил патроны. Очистил как мог от ржавчины наган, завернул его в тряпку, потом спустился с чердака и пошёл к другу Петьке – хотел ему показать свою находку, но его не оказалось дома. Когда я возвращался назад, встретил Жанку – она стояла около своего дома у калитки и отрапортовала мне:

– А я-то с Петей сегодня марки поменяю на монеты, мы уже договорились – понятно? А твои мама и папа пойдут с моими в кино. Приходи ко мне, у меня будет Петя, придёшь или опять некогда?

– Ладно, подумаю, если только Петька придёт. Да я сам к нему зайду – он мне нужен.

Жанна обрадовалась и побежала к себе во двор. И чего ей надо от меня – цепляется всё? Был бы мальчишка, а то девка. Схожу посмотрю – может, отстанет потом. А сам всё больше думал о пистолете. Но что я с ним буду делать, он же мне ни к чему. А может, лучше его поменять на что-нибудь? Не дай бог, папа у меня его найдёт или брат увидит – он сразу его заберёт. Надо подумать...

К вечеру, как мы договорились с Жанкой, я направился

к ней. Сначала решил зайти к другу, а потом вместе с Петькой пойти к моей соседке. Я шёл и раздумывал, на что и с кем поменять пистолет. «А может, опередить Жанку и поменяться на монеты – это будет здорово», – подумал я. Но когда подошёл к Петькиному дому и начал свистеть, вышла его бабушка и сказала:

– А Петя ушёл к Жанне. Взял монеты и пошёл к ней.

Вот тебе на, выходит, я опоздал, нехорошо получается.

Ну, Петька, не мог дожидаться! Не везёт так не везёт. После таких раздумий и невезения я направился назад. Подойдя к калитке, я увидел, как Петька вышел от Жанны, держа в руках два больших альбома. Когда он вышел из калитки, то, посмотрев на меня, промолвил:

– Ты где был? Я ждал тебя.

Я с недоумением взглянул на него и сказал:

– К тебе я сегодня приходил два раза. Хотел с тобой поменяться, я тут кое-что нашёл в колодце, ну и к тебе, а тебя нет. А потом встретил Жанку, она сказала, что ты зайдёшь, ну вот я второй раз пошёл к тебе и опоздал, а ты уже монеты поменял на марки.

Он протянул мне альбомы и сказал:

– На, посмотри, красивые какие.

Я взял альбомы в руки и открыл один из них. И вправду марки мне очень понравились, и я сразу выпалил:

– Давай поменяемся на это, – и протянул ему свёрток. Он нехотя взял его в руки, развернул и ахнул:

– А где ты его взял?

Конечно, я всё рассказал, и он без тени сомнения выпалил:

– Ещё бы, я тебе и свои остальные марки отдам, правда, без альбома, но ты их видел у меня.

Оба мы были довольны обменом, и каждый пошёл к себе домой рассматривать, что же он приобрёл.

Так я стал коллекционировать марки, а потом, уже через много лет, занялся нумизматикой – это коллекционирование монет...

Ох уж этот наган!

Лето прошло, каникулы пролетели. В школу я ходил вначале без желания. Всегда трудно втягиваться, а тем более когда дни стоят тёплые, солнечные, хотя и летом дождей было очень мало. Да и лето прошло – незаметно и безрезультатно; никуда не ездил отдыхать, всё по дому помогал. Единственное, что стал коллекционировать марки, которые обменял на найденный в колодце пистолет, но патроны от него в количестве семи штук я припрятал и своему другу Петьке их не отдал. Петька как-то мне сказал, что он пистолет припрятал, чтобы родители не нашли, да и мало ли что.

С Жанной у меня отношения были плохие, хотя мы и были соседями. После того как она с Петькой обменялась марками на монеты, я с ней перестал разговаривать, а она при

встрече мне показывала язык и зло ухмылялась, хотя я никакого повода не давал. Я её не оскорблял, в школе девчонки держались отдельно, с мальчишками не играли, но меня она доставала. В классе я сидел с Петькой за партой, а соседка моя по дому сидела за первой партой и, когда поворачивалась, показывала мне язык. К этому я уже привык и не обращал особо внимания, но выжидал момент, чтобы отомстить ей, только пока не знал, как это сделать.

Учился я неплохо, во втором классе стал получать четыре и пять, родители были довольны. Но поведение, особенно у мальчишек, страдало, так как мальчишки вечно ссорились с девчонками. Это было по всей нашей начальной школе. Однажды трое мальчишек из четвёртого класса за школой, где выкопали канаву по пояс рабочие, чтобы проложить трубы, посадили в канаву одну девочку, и её силой прикопали до плеч. Сбежалась вся школа вместе с учителями, и в итоге этих троих исключили из школы только за поведение. Многих ругали и отправляли за родителями за то, что они в школу приносили своё оружие – похвастаться перед друзьями. В этой школе я учился с первого класса – второй год. В начале года одного мальчика из первого класса исключили из школы за то, что он пролил молоко из бидона, около сорока литров. Его выгнали из класса в коридор, а там стояли бидоны с молоком на полке, он схватил за ручку эту ёмкость и потянул на себя, бидон был закрыт неплотно, повалился на него, открылся и полностью облил молоком. В большую перемене

ну это молоко по стакану выдавали ученикам, но в тот день многим не досталось, а мальчик остался на второй год тоже по поведению. Мальчики в классе и в школе были неплохие, но вот эти необдуманные действия приводили к таким печальным последствиям, особенно для родителей. Для них это было трагедией, нам же казалось чем-то малозначащим – ну подумаешь, лишний год в одном классе просидишь.

Мы с Петькой всегда после школы возвращались вместе. И нет чтобы сразу идти домой – мы обязательно заглянем в дальние катакомбы, которые от школы находились в километре. Вход в те, что располагались рядом со школой, был завален, а дальние, как мы их называли, были у входа высокие. В них нам разрешалось удаляться метров на пятьдесят, не более. Дальше имелось много разветвлений с тупиками и легко можно было потеряться. Поэтому мы далеко не уходили, да и нас все в школе учителя предупреждали и милиция, а особенно родители запрещали и для страха нам рассказывали всякие небылицы. Но это нас не останавливало, и мы ещё с большим энтузиазмом убегали искать приключений.

Как-то я спросил у Петьки:

– Петь, а ты далеко спрятал мой пистолет?

– Он не твой, а мой – мы же с тобой поменялись. Зачем тебе? Я тебе его назад не поменяю, – недовольно пробормотал Петька.

– Да нет! Может, в катакомбах стрельнём по разу, а? Проверим, я же его не проверял, – выпалил я.

– Но к нему нет патронов, а их не достать, не все подойдут к этому пистолету.

Я немного замешкался, что ответить, а потом чуть-чуть соврал:

– Да у меня два патрона от него есть – в барабанчике были, вот я их припрятал.

Петька сначала обиделся:

– Обманул меня, да? – Но тут же с радостью констатировал: – Давай, конечно, но когда? Он у меня спрятан надёжно. Давай завтра проверим его в катакомбах? – согласился Петька, и мы направились домой.

Я ему рассказывал, что, когда мы жили около Балаклавы у гавани, я научился плавать, а вот теперь, наверно, разучусь. Плавать негде, а к морю надо ездить – некогда. Около города Саки есть большие озёра, но они содержат соль и применяются в медицинских целях. Может, когда-нибудь родители меня возьмут на море – это будет уже в третьем классе. Не разучиться бы к этому времени, боялся я.

Рано утром перед школой я залез к себе на чердак и забрал с собой два патрона, а остальные оставил в том же месте завернутые в тряпочки. Два патрона спрятал в балетку для учебников, которую купили мне родители ещё в первом классе, и стал ждать Петьку у калитки. Кроме книг мне мама в школу всегда заворачивала в бумагу два пирожка и клала в балетку с учебниками и тетрадями. Пирожки были всегда вкусными, с яблоками, и по дороге до школы мы с Петькой

их съедали. Когда друг подходил ко мне, я уже открыл свой чемоданчик и приготовил пирожки, но Петька в первую очередь спросил:

– Ну что, взял?

– Конечно же, сейчас покажу, – и залез снова в балетку.

Развернув тряпочки, показал ему два патрона.

– Ух ты, как здорово! У тебя только два? – обрадовался друг. Я сначала растерялся.

– Да нет, есть ещё спрятанные три патрона, – не до конца признался я.

– Ты мне их отдай, всё равно у тебя пистолета нет, – обрадовался Петька.

Мне деваться было некуда, и, подумав, что если я ему отдам три, то у меня останутся ещё два, я сказал ему в ответ сразу:

– А ты мне дашь пистолет самому стрельнуть, кого-нибудь пугануть.

Петька радостно и покладисто ответил мне:

– Ну конечно. У тебя патронов, наверно, много, и ты обманываешь меня?

– Да нет, правда – для себя ещё один оставлю и всё, а тебе три, идёт?

Друг качнул головой, соглашаясь со мной. Мы довольные пошли в школу.

Погода стояла солнечная уже несколько дней, так что наш план с другом пострелять никто и никак отменить не смо-

жет. Мы так ждали, когда закончатся уроки, что Петька после третьего урока не выдержал и спросил у меня:

– Витька, а давай сбежим с последнего урока, как ты?

Вообще-то я не любил пропускать уроки, а тем более сбегать, но в этот раз сдался:

– Для дела можно и пропустить, – по-взрослому сказал я ему, мы быстро собрали учебники и тетради, приготовленные к следующему уроку, и выскочили, пока не прозвенел колокольчик на урок и нас не заметили учителя. Многие ученики просто старались не обращать внимания, когда сбегают с уроков, – особенно мальчишки. К этому все привыкли. А вот от глаз соседки Жанны я сбежать незамеченным не смог, она мне вдогонку прокричала:

– Что, сбегаешь? Я всё твоим родителям расскажу.

Но я её не слушал, и мы уже выбежали с другом со школьного двора. Мы с Петькой подошли ко входу в катакомбы и сели на камни перевести дух. Пока мы отдыхали, у меня созрел план, как пугануть Жанну, чтобы больше не доставала, а то сразу – «расскажу родителям, что сбежал». Конечно, мне не хотелось, чтоб мои родители об этом узнали. Я ей покажу! Надо только успеть к последнему уроку в классе подойти и застать соседку. Я сразу приступил к делу, обращаясь к Петьке:

– Давай пальнём, проверим, да надо успеть к последнему уроку и Жанку пугануть, а то она и вправду нажалуется родителям, что мы сбежали, и нам попадёт от них.

Петька тоже побаивался своих – особенно маму, она его часто ругала за пропуски – и одобрительно кивнул:

– А во что будем стрелять, давай в банки?

Банок валялось здесь много. Мы выбрали две железные банки из-под тушёнки и установили их на камни. Отошли на метров пять от наших мишеней. Петька откуда-то из-за пазухи вытащил завёрнутый пистолет и показал его мне. Он был вычищен и с деревянной ручкой, правда, сделал друг её неаккуратно, но держать можно. Петька протянул пистолет мне.

– На, стреляй первым, а я потом, – немного побаиваясь, процедил Петька сквозь зубы, как будто мы кого-то расстреливать будем. Но на самом деле страшно, тем более в первый раз, и я тоже с дрожью в руках взял протянутый мне пистолет, достал патрон и завёл его в барабан:

– Я буду в правую банку стрелять, а ты в другую, – как будто я часто стреляю!

Сняв с предохранителя, взвёл курок и прицелился в банку, потом опустил пистолет вниз, спросил Петьку:

– А куда смотреть – на мушку, да? – поднимая пистолет, начал целиться, глядя на мушку и банку, нажал на курок. Выстрела не было. Я проверил, правильно ли сделал. Барабан с патроном был верно направлен в дуло пистолета, тогда что?

– Наверно, они уже негодные, дай я свой патрон испробую, – как опытный стрелок, определил Петька. Я ему вста-

вил его патрон и направил патрон в барабане против дула, а свой патрон так и оставил в барабане, потом протянул другу пистолет:

– На, стреляй, может, у тебя получится? В любую банку. Он взял у меня пистолет и так же, как и я, прицелился, нажав на курок. У Петьки от выстрела пистолет выпал из рук, а сам грохот, наверно, был слышен в школе, и эхо в катакомбах раздавалось громкое.

– Вот это да! Ты даже не попал в банку, но громко, жаль, что я не взял остальные патроны, а то бы мы проверили все их, здорово получилось, хоть и не попал, в выходной постреляем, да?

Довольные, мы стали собираться и быстро пошли, чтоб успеть к последнему уроку. Особенно радость переполняла Петьку – он впервые выстрелил из нагана. У меня хоть и не получилось, но я был рад за друга. У меня есть ещё патроны, и мы постреляем, может, они не подведут. Мы подошли к школе. Звонка с урока ещё не было, мы спрятались в кустах, чтобы нас не увидели из окон, и я попросил Петьку:

– Ты мне дай пистолет, смотри за коридором и скажешь мне, когда будет выходить Жанка, а я спрячусь за дверь и буду ждать твоего сигнала, как только будет выходить, ты мне махни рукой, и я её пугану пистолетом, хотя он и не стреляет, а жаль.

Я взял пистолет, посмотрел по сторонам, чтоб никого не было, и, как заправский стрелок, крутанул барабан.

От звонка колокольчика я вздрогнул, стоя за дверью школы, и стал ждать сигнала своего друга. Его в кустах не было видно, да и я стоял незаметный, тем более если откроется дверь. Дверь так распахнулась, что чуть меня не сбила – это наши ученики так уйти торопились из школы домой или в катакомбы. Я всё стоял и выжидал. Все выбегали, спешили, особенно пацаны, которые, как всегда, старались уйти или сбежать первыми. Девчонки наоборот – не торопились. Кто-то оставался в классах мыть полы, убирать.

Ждать пришлось долго, все почти разошлись из школы, оставались те, кто занимался уборкой, и Жанна в их числе. Со своей напарницей она заканчивала уборку класса. Петька вышел из-за кустов и, приблизившись ко мне, сказал:

– Идёт с подругой.

Я поднял пистолет вверх и, как только дверь открылась, нажал на курок. Больше я ничего не слышал, кроме выстрела и визга убегающих девчонок, которые что-то орали. Их понять можно, а вот я ничего не понимал – как так? Ведь он не должен был выстрелить! Петька сбежал сразу, а мне было не по себе, когда рядом оказался директор, который взял меня за руку и повёл в класс:

– Садись за парту и рассказывай, что произошло.

Я плохо соображал, что-то невнятно рассказывал, как нашёл пистолет, поменял его. Постепенно пришёл в себя и подробно объяснил, что случилось. Вызвали мою маму – она была в шоке, потом появился милиционер, который описал

мои подвиги в красках и перед собравшимися сделал для меня заключение:

– В колонию мы тебя отправлять не будем, а вот с директором поговорили и решили тебя исключить из школы до конца года, так что ты отделался лёгким испугом. Будешь набираться ума дома под руководством уже своих родителей, которые тебя станут перевоспитывать.

Мне уже было всё равно, что он говорил. Больше всего мне было стыдно и обидно за маму, которая сидела и выслушивала директора, милиционера, но ничего не могла сказать в мою защиту. Так и остался я на второй год из-за поведения.

Ох уж этот пистолет! И зачем я его нашёл!

Трагедия с друзьями

Для меня 1957 год оказался самым несчастливым в жизни. Были, конечно, и другие моменты, когда меня постигла беда, но я никак не мог смириться с тем, что я потерял лишний год во втором классе из-за своей дурости, и мне во втором классе было скучно – особенно без друга Петьки. Его моя неудача обошла стороной, когда он вовремя сбежал от меня с испуга, но я его не сдал, как будто его в тот злосчастный день не было рядом. Я учился так же хорошо, что успокаивало маму, и ни в какие приключения старался не влезать. Меня родители даже после окончания второго класса, летом, несколько раз брали на море, и я там им показывал,

как умею плавать. Не забыл, а даже лучше у меня стало получаться вразмашку, просто родителям хотелось похвастаться, что я умею неплохо плавать.

Во втором классе я подружился с Васькой. У меня уже до школы был друг Васька, когда мы жили около моря. Этот тоже был чем-то похож на него, только ростом меньше и пошустрее. И мы сдружились втроём и вместе всегда ходили в колхозный сад воровать яблоки, хотя сторож знал, что мы много не возьмём, и не обращал внимания на нас, когда мы за пазуху накладывали яблоки. В нашем саду, да почти у всех жителей колхоза, росли свои яблоки, но почему-то в колхозном саду они были вкуснее, и нас тянуло туда.

Однажды мы втроём решили нарвать яблок в саду, чтобы сходить в город и сыграть в футбол с городскими ребятами. Мы часто запасались яблоками, если куда-нибудь отправлялись далеко, а тут шли играть в футбол. Мы несколько раз уже ходили и каждый раз выигрывали – и всегда возвращались домой с синяками и в разорванных майках, но гордые, что городские не могут у нас выиграть. Впрочем, им тоже сильно доставалось от нас. На этот раз мы решили набрать яблок, чтобы поесть и отбиваться ими от городских.

С друзьями вошли в сад; ограды там не имелось, да и сам сторож часто отсутствовал, так как спал или был пьян, поэтому мы всегда беспрепятственно проходили в колхозный сад. И в этот раз мы спокойно прошли, но ребятам я сказал: – Давайте лучше попросим у сторожа яблоки и объясним,

для чего они нам нужны.

Ребята согласились с моим предложением, и Васька добавил:

– Пойдёмте сразу к нему в шалаш – может, он там, а то что-то его в саду не видно, может, спит.

Колхозный сад был большой и ухоженный. Шалаш сторожа находился где-то в центре сада, и Петька согласился сходить к сторожу сам:

– Оставайтесь здесь, а я быстро сбегаю к нему и разузнаю всё, – и он побежал к шалашу. Когда заглянул в шалаш, там никого не обнаружил. Посмотрел по сторонам в саду, но нигде сторожа не увидел. Вернувшись к нам, Петька сказал:

– Его нигде нет, а может, нарвём без спросу да уйдём?

– Давайте по-быстрому – разбежались. Ищите, какие вкуснее и тяжелее, чтоб ударил так ударил яблоком.

Я нашёл подходящее дерево с яблоками и залез на него, удобно устроившись. Яблоки были большими, я снял майку и завязал верхнюю часть. Получился маленький мешочек, куда я отправлял эти красивые крупные яблоки. Наполнив майку, которая увеличилась в размерах и была для меня тяжёлой, я собрался слазить, но услышал снизу окрик:

– Ага, попался!

С испугу я перевернулся на ветке головой вниз, а майка с яблоками полетела на землю. Яблоки рассыпались, я же, падая, зацепился за сучок шароварами, они разорвались и стащили с меня трусы. Сторож смотрел на меня и от удоволь-

ствия хохотал, а я сильно поцарапался о сучок, но удачно приземлился на правый бок и руку, не повредив себе ничего, встал перед сторожем и виновато опустил голову, а с ноги, которую поцарапал, стекала кровь. Сторож перестал хохотать, взял меня за руку и повёл к шалашу:

– Пойдём обработаю рану, и заштопаем твои шаровары, а яблоки потом соберёшь. И куда столько нарвали? Твои дружки как увидели меня – сразу дёру дали. Своих, что ли, дома нет яблок? Попросили бы – и все дела.

Мне было трудно что-то возразить, но я с трудом объяснил, для чего нам понадобились яблоки. Дед обработал мне ранку, завязал и сказал, чтоб я сидел, а сам направился в сад. Через несколько минут он возвратился с сеткой в левой руке, наполненной яблоками, а правой рукой держал мою майку:

– Сейчас тебя приведём в порядок. Пойдёшь домой, а про футбол забудь на неделю. Когда придёшь, пусть мама тебе обработает и чистым бинтом перевяжет. И передай своим друзьям, чтобы не воровали, а спрашивали. Идти-то сможешь?

Я встал и захромал к выходу. Виновато посмотрел на сторожа и промямлил:

– Спасибо вам за яблоки. Мы хотели спросить, но вас в саду не было.

– Ну ладно, раз поняли, валяй домой, скажешь родителям, что упал, ясно?

Я уже без страха, с яблоками в сетке, выходил из сада,

сильно хромая.

Мои друзья ждали меня у обочины дороги, я им рассказал, что всё обошлось, а вот с футболом ничего не получится. Так мы пропустили игру, и наши планы рухнули. Яблоки пришлось оставить дома, мы их давно уже съели, а вот ранка у меня начала гноиться, и мама забеспокоилась. Я не смог выйти на улицу, когда мои друзья звали погулять, хотя мог сбежать, но ходить было очень тяжело. Хорошо, что всё это случилось на каникулах, в конце лета, и я мог не беспокоиться о пропусках в школе – родителям дал слово без причины школу не пропускать. Плохо, что Петька пойдёт в четвёртый класс, а я только в третий – сам виноват. Мама, приходя с работы, обрабатывала мне рану, мазала мазью и перевязывала, но это мне не помогало, и как-то мама сказала:

– Я завтра отпросилась с работы, мы поедем в город в больницу с тобой, пусть посмотрят. А то ногу отрежут, а в школу скоро. Надо лечиться. – Мама пошутила про ногу, но стало не по себе, как представил себя без ноги. Я с радостью согласился, так как в больнице я ни разу не был, да и до моря недалеко. Попрошу маму, может, покупаемся. Да и озёр здесь достаточно, но они очень мелкие и солёные, не для плавания, если только рыбачить. Мы с друзьями как-то ходили, но поймали мало, а до моря далеко для нас.

Утром мы с мамой на стареньком автобусе отправились в городскую больницу. Пассажиров было мало. Мы ехали по дороге, а с обеих сторон красовались яблони колхозного са-

да, куда мы недавно лазили с друзьями и где я травмировался. Родителям я рассказал, что нам сторож разрешил нарвать яблок, а я свалился с яблони. Сад колхозный закончился, и дальше начались пшеничные поля, отделённые от дороги абрикосовыми лесопосадками, которые ровно возвышались вдоль трассы. Мы их называли дичками и, если надо, рвали спелые сколько угодно, они не охранялись.

– Приехали, – объявил водитель автобуса. – Выходим быстренько, мне нужно заправиться, и через два часа ждите меня здесь, – продолжил он. Мы с мамой вышли и направились к больнице, которая находилась рядом. Из-за сирени, яблок и груш её не видно было, и только асфальтированная дорожка и вывеска сверху говорили, что больница, а вернее, военный санаторий размещался здесь. Мы вошли в одноэтажное кирпичное здание, где пахло медикаментами. Мама меня посадила на скамейку и сказала:

– Жди, никуда не уходи, я тебя позову, – и сама скрылась за дверью в какую-то комнату. Я только успел произнести:

– Хорошо.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и меня мама позвала:

– Заходи. – Она меня взяла за руку, усадила на табуретку. За столом сидел врач и что-то писал. Он посмотрел в мою сторону и строго сказал:

– А где здравствуйте, молодой человек?

И мама отвесила мне подзатыльник. Я, конечно, растерял-

ся, но еле проговорил это слово:

– Здравствуйте, – и от стыда отвернулся. А врач продолжал дальше:

– Снимайте свои шаровары. Будем осматривать вашу ногу и рану.

Я посмотрел растерянно на маму, но она мне:

– Снимай!

Я быстро подчинился такой строгости от неожиданности. Врач посмотрел поверхностно на ногу развязал повязку, взглянул на ранку и помотал головой, сказав:

– Надо чистить ранку и лечить, а то так и без ноги можно остаться. Придётся госпитализировать вас, молодой человек, и сегодня же. Запустили вы ранку. – И уже к маме:

– Мы его оставляем у нас, а вы к сегодняшнему вечеру привезёте ему чистое бельё, одежду и полотенце. Всё, я вас не задерживаю, а вас, молодой человек, прошу, пройдёмте со мной, – и помог мне вежливо выйти, хотя он мне показался строгим. Когда мама выходила, я успел ей сказать, чтобы она моим друзьям сообщила, где я нахожусь, и передал:

– Пусть в гости приходят. Папе и брату скажи, где я, – как будто мама не знает, что сказать.

Вот так началась моя жизнь в больнице с постельным режимом, осмотрами и строгими врачами, которым мне приходилось подчиняться. Не очень-то мне нравился такой режим. Не с кем поговорить, никуда не сходить, хотя куда я уйду с такой ногой. Мне врач, конечно, шутливо, но твердил:

не будешь лечить – останешься без ноги. Мне приходилось выполнять все предписания врачей.

Через неделю мне стало намного лучше, и я мог уже свободно передвигаться. Мама приезжала каждый день к вечеру и привозила мои любимые пирожки с яблоками и ещё что-нибудь. Я ходил на перевязки, в столовую покушать, читал много книжек, которые раньше меня нельзя было заставить взять в руки.

Однажды ко мне пришли мои друзья – Васька и Петька. Мне врач радостно объявил:

– Иди посиди со своими друзьями, наверно, соскучился, но чтобы на процедуре вовремя появился.

Уже у выхода меня встречали друзья. Мы поздоровались и пошли сели на лавочку. Начались расспросы – как кормят да чем занимаешься. Когда вопросы иссякли, Васька приступил:

– Давай с нами пойдём на рыбалку. Озеро вон рядом, мы червей накопили, посидим на берегу, порыбачим. Тебе когда на перевязку?

– Мне к пяти часам, – обрадовался я – успеем, а где удочки?

– Они у нас у озера спрятаны. Пошли, – и мы быстро пошли к озеру. Я соскучился по друзьям, как будто не видел их месяц. Спрашивал, как они отдыхают, чем сами занимаются, ну и всё такое, как у пацанов в то время. Ребята не забыли взять удочку и на меня. Больше делились своими впечатле-

ниями и вспоминали наш поход за яблоками. Время подошло быстро, и мне нужно уже было идти на перевязку. Поймать мы ничего не поймали – было чересчур жарко. Ребята показали мне, куда они спрячут удочку. Если она мне понадобится, то я могу ей воспользоваться. Петька на прощание сказал:

– Мы к тебе завтра придём рыбачить, под вечер, а то днём жарко сильно.

– Обязательно приходите, меня скоро выписывают, времени больше будет, вот тогда порыбачим, – обрадованно проговорил я и направился в процедурную на перевязку. Мне врач сделал перевязку и сказал:

– Через пару дней, молодой наш человек, нам придётся с вами расстаться, мы вас выпишем, и вы будете наслаждаться своей свободой, рады?

– Конечно! Меня друзья никак не дождутся.

Врач поинтересовался, где же меня так угораздило получить ранку которая загноилась. Я ему рассказал правду как это произошло, и он только кивнул мне:

– М-да, детство есть детство, и все мы через него прошли. Да, завтра вечером будет обход, комиссия приезжает, далеко не пропадайте, молодой человек. – Он меня всегда называл «молодой человек», но не по имени. Меня, конечно, радовало, что скоро меня выпишут. Мама сейчас приедет, и я её обрадую.

Я ждал следующего дня как никогда. И он наступил, а зав-

тра меня выпишут. Но этот день для меня длился вечно – так я ждал своих друзей, чтобы их порадовать, что завтра мы уже будем вместе, а сегодня – хотел подумать – порыбачим. Однако врач меня предупредил, чтоб я не отлучался в связи с осмотром. Ну ничего, обойдутся без меня, а вот завтра – сколько угодно, весь день буду с ними. Друзья, как и обещали, вызвали меня, но меня врач ещё раз предупредил, чтобы я не отлучался никуда. Я вышел к друзьям навстречу и выпалил:

– Ура! Меня завтра выписывают, а сегодня ничего не выйдет – обход будет, комиссия приезжает, без меня обойдётесь, не обижайтесь.

– Да ладно, мы понимаем. До завтра подождём, – сказал Петька. – Тогда мы пойдём, до завтра.

Меня в это время окликнул мой лечащий врач:

– Молодой человек, идите к себе в палату. Обход начинается.

Я нехотя поплёлся к себе в палату. Почитал книгу, попил из графина воды. Время тянулось очень долго, я не находил себе места, и вот дверь распахнулась, и вошли трое незнакомых врачей в белых халатах и мой лечащий врач. Он объявил:

– Этого молодого человека мы завтра подготовили к выписке.

В это время вбежала женщина в белом халате – врач – и выпалила:

– Там привезли двух мальчиков, копали червей и подорвались на mine, нужно срочно оперировать.

У меня от услышанного подкосились ноги, и промелькнуло в голове: неужели мои друзья?

Да, это оказались мои лучшие друзья, и я мог бы быть вместе с ними. Вот такая постигла трагедия моих друзей, и это было эхо проклятой войны.

В катакомбах

С тех пор, когда я потерял своих дорогих друзей, многое изменилось. В то время я ещё не осознавал всех ценностей и не знал, что последствия войны бывают ужасны и долговечны для всех. У меня появились новые друзья, но, учась уже в четвёртом классе, я больше проводил время со своими родителями. Я продолжал коллекционировать марки – это было моё основное увлечение, хотя их у меня стало намного больше. Родители мне купили специальный альбом – большую тетрадь с прочными листами в клетку, и я в них аккуратно наклеивал марки, а потом часами разглядывал, перебирал их. Часто родители ездили в город Симферополь и брали меня, там жили наши родственники по матери, и у них было много детей, с которыми я подружился. Я привозил с собой марки и показывал всем. Многие тоже коллекционировали там марки, и мы обменивались ими. Я гордился тем, что у меня было больше.

На каникулах, ещё в третьем классе, нас возили на экскурсию в музей в Бахчисарае. Такую красоту я видел впервые – всё из золота и серебра. Многих гостей привлекал Фонтан слёз, или Бахчисарайский фонтан, который описывал А. С. Пушкин. Ханский дворец нравился многим туристам, а в особенности этот фонтан, который для меня в то время был не очень примечательным по сравнению со статуэтками, коврами, кувшинами, посудой, сверкавшими позолотой, – это меня поражало. Уже потом, когда я стал изучать произведения Пушкина, я начал понимать величие этого Бахчисарайского фонтана и многое другое. А пока я наслаждался тем, куда меня возили, и рассматривал всевозможные достопримечательности Крыма. А Крым – это клад для туристов. Я часто рассматриваю фотографии того времени – старые, потёртые, начиная с детского сада, – и они мне дороги. Каждый раз мы с родителями фотографировались на память, а особенно на море.

Больше всего мне нравилось ходить и лазить в катакомбах, и каждый раз меня родители за это ругали, угрожая тем, что если я ещё схожу туда, то они меня не будут брать с собой в поездку. Но этим меня было не удержать, как и старшего брата, – мы сбегали, и всё начиналось сначала – с упрёков. Мама всегда говорила:

– Я боюсь за вас, что что-нибудь выкинете. Ты, сынок, забыл случай с пистолетом или как твои друзья подорвались на mine? В этих катакомбах чего только нет, одних только

патронов валяется сколько угодно. Ты же знаешь, что двоих исключили из школы только за то, что они разожгли костёр у школы и набросали туда патронов, устроили фейерверк! И ты забыл свою стрельбу? Мы скоро переедем на север отсюда, подальше от этих трагедий, к отцу на родину.

Я был не против переехать, а то, что мы сами бросаем в костёр патроны, – это не секрет. Мы от них избавлялись, а то, что старшеклассники в прошлом году устроили, – нас это не касалось. Мы разводим костёр далеко от школы – у катакомб или у входа, чтоб можно было спрятаться, никого рядом не было и не слышно никому.

Вот так у нас проходило в то время детство. Редко когда мальчишки не сидели по два года в одном классе за какие-то проступки. Часто нас в школе навещали из милиции, проводили беседы, собрания с родителями, но дети есть дети, и нас тянуло на необдуманные «подвиги».

Мы даже не боялись гадюк, которых здесь было предостаточно. Мы из кустарников вырезали рогульки, чтобы были почти в наш рост, и этой штукой вылавливали змей. Увидев змею, рогулькой у основания головы прижимали сильно к земле, пока змея не переставала дёргаться, замирала, потом брали её у головы, как бы за шею, и рассматривали – жива или нет. Теперь, по истечении стольких лет, я никогда змею не взял бы в руки. Вот такое у нас было «геройство», ничем не оправданное.

На каникулах я больше находился с родителями и со стар-

шим братом. Отец у меня работал на баштане, охранял колхозные арбузы, а мама – на молочной ферме, и я в свободное время на лошади с бричкой, нагруженной бидонами с молоком, развозил населению колхоза это молоко. Однажды, когда развёз молоко и возвращался назад на ферму, меня в который раз постигла беда. Сам колхоз – то есть жители и их дома – располагался наверху, вдоль дороги, а ферма находилась внизу, в полутора километрах от жилых домов. Недалеко от фермы стояла и начальная школа, которая скоро ждала учеников – и меня – в четвёртый класс.

Лошади везли бричку медленно, только пустые бидоны, соприкасаясь друг с другом, издавали неприятный звук, и, когда мы начали спускаться вниз, пустые бидоны ударились так, что напугали лошадей. Скакуны понеслись вниз, разбрасывая бидоны в разные стороны. А потом и я вылетел из брички, сильно ударившись, у обочины. Лошади бежали ещё метров двести, пока сама бричка не перевернулась – и лошади только потом остановились, недалеко от фермы. Всё это видели женщины с фермы и моя мама, которая бежала ко мне. Я встал и по дороге направился в сторону мамы, хромая, в порванных новых шароварах, приготовившись получать оплеухи. Но мама меня обняла и сквозь слёзы говорила:

– Какой же ты у меня невезучий! Нет, надо срочно отсюда уезжать от греха подальше. Какое-то проклятое место. Пойдём на ферму, приведём тебя в порядок. Ушибся сильно? Женщины соберут бидоны, ты сейчас помоешься – и домой.

Я только успевал мотать головой, соглашаясь с мамой, а потом сказал:

– Мама, может, я сразу пойду домой, ты придёшь и заштопаешь мне шаровары, а я к этому времени помоюсь, а то мне неудобно, – признался я, и мама согласилась:

– Только сразу домой и никаких друзей. А возить молоко больше не будешь, понятно?

Я радостный побежал домой – не по дороге, а вдоль кустарников, чтобы меня не увидели, как я сверкаю своими разорванными шароварами. Бежать было больно, но надо быстрее домой, а то ещё из друзей кто-нибудь встретится – вот веселье для них будет, и в школе потом засмеют, лучше подальше держаться.

Так закончился для меня день с приключением, но он не был последним в моём детстве. Буквально прошла неделя после поездки с развозкой молока, как новое приключение меня ждало, тоже не зависящее от меня. Как-то мама вечером подошла ко мне и попросила:

– Сынок, ты завтра за соседку нашу попаси коров, а то её очередь, а она заболела, муж на работе, там ничего сложного. Она тебе заплатит, а я добавлю и куплю тебе брюки к школе, согласен? Поесть я тебе положу, а пасутся они ты знаешь где.

Когда мама просит, разве откажешь? И я с радостью согласился:

– Конечно, только мне нужен кнут, собака наша будет помогать мне.

Больше всего меня интересовало, сколько мне денег дадут, и радовало, что я смогу купить себе брюки.

Я стал ждать наступления завтрашнего дня, но время шло долго. Приготовив всё к утру, я наконец уснул. Мама разбудила меня очень рано, а мне ещё хотелось поваляться, и она несколько раз меня теребила за голову и говорила:

– Вставай! Коровы ждут.

Наконец я соскочил, помылся, попил молока кипячёного с пирожком и вышел во двор. Там жители колхоза выводили своих коров на улицу, у кого они были. В итоге набралось двенадцать коров, подсчитал я – и с торбой за плечами, в которой находилась еда, и с кнутом в руке, как заправский пастух, махнул рукой со словами:

– Ну, пошли.

И коровы, повинуясь кнуту больше, чем мне, двинулись по маршруту, который они уже изучили и знали, куда идти. Я был рад, что так всё хорошо складывается.

На поляне, куда мы пришли, коровы сразу стали щипать траву, а я как мог расположился в тени куста сирени. Погода обещала быть жаркой, поэтому место для меня было отличным, воды я взял достаточно. Мой друг – чёрно-белая собачка Орёл – бегал недалеко. Отец принёс мне его ещё щенком полтора года назад. Мы с ним подружились, но больше он находился на цепи – отец боялся, что сбежит. Наблюдая за собакой и больше за коровами, я, лёжа на травке, стал засыпать, веки тяжелели. Коровы наелись травы и тоже располо-

жились кто где на траве, не переставая жевать, как будто засыпали, отбиваясь своими длинными хвостами от надоедливых паутов, которых было очень много – где животные, там и они. Я провалился в сон...

Услышав лай собаки, я соскочил и увидел картину: коровы убегали в разные стороны. Я не знал, что делать в этом случае, за какой коровой бежать. Весь в слезах, я кричал на собаку:

– Орёл! Орёл!

Забыв про кнут, я кинулся в ту сторону, куда побежало большинство коров. Они выскочили на дорогу, там навстречу им шли двое мужчин, которые крикнули что-то на коров, остановили их. Я, испуганный, весь в слезах от услышавшегося, обратился к ним:

– Дяденьки, у меня коровы разбежались, помогите! Двенадцать коров... – Хотя семь коров стояли и уже щипали траву, отбиваясь от паутов своими хвостами. Мужчины посмотрели друг на друга, и один из них мне сказал:

– А ты что плачешь, мужик? Никуда они не сбегут, а придут к себе домой, и не надо слёзы лить. Это пауты виноваты. Накусили за вымя, вот они и взбесились. Этих коров забирай и паси, остальные вернутся или домой к себе пойдут, так что не переживай, мужик, паси.

Они пошли своей дорогой, а я часть коров погнал на поляну, где они паслись. Через часа два почти все коровы собрались на месте, кроме одной. Беспокойство всё равно остава-

лось большое, тем более корова была соседской. Настроения никакого, скоро домой гнать коров, а одной нет. Вдруг не придёт, что тогда? Всё, больше никогда не буду соглашаться пасти коров, лучше буду пропадать в катакомбах, как мои друзья, которые не в лагере. Жара стояла за тридцать, пауты одолевали меня и коров, без коров их как будто нет.

Так с трудом дождался я окончания дня и погнал коров к их домам, где их встречали хозяева. Ко мне никаких претензий от них не было и также не было нареканий от нашей соседки, корова которой давно стояла в стойле. Соседка при встрече объяснила, что её корова часто уходит домой из стада, а я об этом не знал и не знал ещё многого – на то она и жизнь, и всему надо учиться. Но коров я больше не пас. На брюки себе заработал, мама добавила немного.

Брат у меня тоже работал в саду колхозном, помогал вывозить ящики с яблоками на склад, а также вывозил арбузы с баштана, где трудился отец сторожем. У меня теперь времени много было для безделья: ходить на рыбалку, в катакомбы, иногда к отцу – поесть холодненьких арбузов, дынь. Скоро будут отбирать самые спелые и большие арбузы и отправлять на ВДНХ, в Москву. У меня отец в прошлом году возил – целый месяц не было их с бригадой, которая отправляла самые лучшие арбузы на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.